

ВОСПРИЯТИЕ РИТМИЗОВАННОГО РУССКОГО ТЕКСТА НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА, ИЗУЧАЮЩИМИ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

Т. А. Круглякова, Сюаньцзюнь Ши

Аннотация. В статье, построенной на материале лингвистического эксперимента, рассматриваются особенности восприятия ритмически упорядоченного текста на русском языке при его аудировании носителями китайского языка, изучающими русский язык как иностранный. Делается вывод о том, что значительное количество ошибок в сегментации текста и идентификации полученных единиц, которые допускают студенты-иностранцы и дошкольники, осваивающие русский язык как родной, связано как с ритмическими особенностями самого текста, так и с отсутствием опыта восприятия поэтического текста у реципиента и незначительным объемом его словаря.

Ключевые слова: освоение языка, слуховое восприятие, вероятностное прогнозирование, сегментация, перцептивная опора

PERCEPTION OF RHYTHMICALLY ORDERED RUSSIAN TEXT BY NATIVE CHINESE SPEAKERS LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

T. A. Kruglyakova, Xuanjun Shi

Abstract. The article employs linguistic experiment to analyze the strategies used by native Chinese speakers studying Russian as a foreign language to perceive a rhythmically ordered Russian text. The authors conclude that the mistakes in text segmentation and identification of linguistic units in the text's rhythmic structure are caused by a number of factors: the rhythmic ordering of the poetic text, the recipient's lack of experience of listening to such texts, and the insignificant volume of the recipient's vocabulary. The said factors create difficulties for adequate perception both in students learning Russian as a foreign language and in Russian-speaking preschoolers.

Keywords: language acquisition, listening comprehension, probabilistic forecasting, segmentation, perceptual support

26 мая 2023 г. ушел из жизни замечательный исследователь, выдающийся педагог, профессор Вадим Борисович Касевич. Труды В. Б. Касевича по общему языкознанию, лингвистической типологии, фонологии и морфонологии, теории ударения, реальной грамматике русского языка, синтаксису, семантике, психолингвистике, языкам Юго-Восточной Азии во многом определяли исследовательское поле отечественной лингвистики. В 1994 г. в издательстве

Санкт-Петербургского университета увидела свет монография А. В. Венцова и В. Б. Касевича «Проблемы восприятия речи» (Венцов, Касевич 2003), в которой был не только дан широчайший обзор моделей речевосприятия, но и подробно проанализированы экспериментальные методы, применяемые в перцептивной фонетике, описаны механизмы проведения валидных экспериментов и способы интерпретации полученных данных.

Выводы Венцова и Касевича строились на экспериментальных наблюдениях, сделанных авторами на богатейшем материале восприятия речи носителями разных языков, в том числе русского и китайского. В частности, в монографии был описан эксперимент, направленный на поиски ответов на вопросы, какова роль акцентных контуров слов при генерировании смысловых гипотез и способствует ли ритмизация речи более успешному ее восприятию. Участникам эксперимента предъявляли отрывок из стихотворения Козьмы Пруtkова «Осада Памбы» (34 строки) и стихотворение Дмитрия Кедрина «В парке», а также их прозаизированные варианты — максимально лексически близкие, но не упорядоченные ритмически. Испытуемые один раз прослушивали синтагму (при восприятии стихотворения — одну строку) и должны были по возможности точно записать, что слышали. Разрешалось записывать вместо фрагментов, оставшихся неразборчивыми, последовательности типа «та-та-та», обозначая ударение и границы слова.

Полученные данные позволили ученым сделать ряд интересных наблюдений и ценных выводов. Принято считать, что для успешной сегментации речи человек пользуется не столько акустическими характеристиками речевых звуков, но и просодическими характеристиками текста (Венцов, Касевич 2003; Штерн 1992; Ягунова, Сталчински 2020 и др.). Даже в русском языке с его подвижным и разноместным ударением запрет на сочетаемость гласных внутри фонетического слова позволяет проводить словесные границы, например, в случае последовательности двух ударных слогов (Дурыгин 2018, 325).

Эксперимент Венцова и Касевича позволил прийти к выводу, что существует «прямая зависимость разборчивости <...> от уровня ритмической организации текста», причем процессы сегментации речевого отрезка и идентификации полученных единиц протекают одновременно и для их реализации одинаково существенна информация

о ритмическом строении текста (Венцов, Касевич 2003, 112). Ученые пришли к выводу, что воспринимать ритмически упорядоченный текст легче по нескольким причинам. Во-первых, восприятие текста, в котором сильные и слабые позиции предсказуемы, протекает проще, так как место ударного слога является важнейшим маркером для определения границ слова. Во-вторых, строгое чередование ударных и безударных звуков позволяет реципиенту сосредоточить внимание на качественных характеристиках ударных гласных (Венцов, Касевич 2003, 107–108).

При этом гипотеза об относительной простоте восприятия русского ритмически упорядоченного текста изначально не была очевидной: предполагалось, что ошибки сегментации возможны, так как в стихотворении минимальной ритмической единицей выступает стопа, не всегда совпадающая с фонетическим словом (Венцов, Касевич 2003, 109). О том, что нарушения словесного ритма могут отрицательно сказываться на разборчивости текста, говорили и данные других экспериментов, поставленных Касевичем и его коллегами. Например, экспериментально было доказано, что русские испытуемые неверно сегментируют высказывания, содержащие двухударные и безударные квазислова, полученные в результате перестановки слогов в произнесенных диктором фразах (Касевич и др. 1990).

Принято, однако, считать, что ритмизованность не мешает опытным носителям языка и культуры воспринимать поэтические тексты. Ю. М. Лотман писал: «Слово в поэзии напоминает “красную свитку” Го голя: его режут ритмические паузы (и иные ритмические средства), а оно срывается, ни на минуту не теряя лексической целостности» (Лотман 1970, 176). При этом говорить об утрате лексической целостности имеет смысл только в том случае, если в ментальном лексиконе реципиента существуют соответствующие единицы. Согласно модели смыслового восприятия А. А. Залевской, человек сегментирует и идентифицирует

воспринимаемое сообщение, ориентируясь на многоаспектный контекст (перцептивный, когнитивный, аффективный, вербальный, ситуативный), и идентификация слова может быть представлена в виде двунаправленной спирали, раскручивающейся от «тела текста» как «в проекцию текста, которая формируется, трансформируется, пересматривается во взаимодействии множества факторов», так и «вглубь многостороннего предшествующего опыта индивида» (Залевская 2001, 116).

Можно предположить, что для человека, вынужденного воспринимать стихотворение, содержащее большое количество неизвестных ему или субъективно низкочастотных слов, ритмическая упорядоченность текста будет представлять не опору, а помеху при сегментации. Отсутствие достаточного опыта восприятия силлабо-тонической поэзии также может привести к смещению тонических и словесных ударений и в результате — к неверной сегментации.

Многолетние наблюдения за детской речью позволяют обнаружить, что ошибки дошкольников при репродуцировании стихотворного текста нередко бывают непосредственно обусловлены его ритмической организацией (Круглякова 2004). Словесное и метрическое ударения начинают конкурировать, и ориентация ребенка на стихотворный ритм, а не на словесное ударение мешает верной сегментации, если многосложное слово имеет несколько метрических ударений (*И упирается прямо в небо слон* (небосклон)), служебное слово попадает под метрическое ударение (*Небо купается, небо купается* (не покупается), *доброе имя, талант и любовь*), знаменательная часть речи не имеет метрического ударения (*Там русской палкой печи нет* (там русский пал, там печенег)). Воспринимая ритмически упорядоченный текст, содержащий неизвестные или низкочастотные слова, дошкольник может идти широким или мелким шагом. Широкий шаг влечет за собой игнорирование метрических ударений и восприятие строки как единого слова: *Где такой город — Дре-*

менетиши? (Дремлет притихший северный город). Мелкий шаг приводит к совпадению границ стопы и слова: нераспознанные фрагменты в стихах, сложенных хореем, членятся на двусложные образования с ударением на первом слове (*Эта чанка просто чанка* (Эх, тачанка-ростовчанка)), ямбом — на втором (*Подполз, оса скрипит* (Под полозом скрипит)).

Обнаруженные различия между опытными и неопытными аудиторами вынуждают поставить вопрос: одинаковое или различное влияние будет оказывать ритмизация текста на его восприятие в ходе освоения языка как первого и как второго; насколько типологические различия между языками препятствуют успешности процесса слухового восприятия речи на иностранном языке.

Известно, что уже до года ребенок способен воспринимать и повторять интонационные контуры родного языка (Boysson-Bardies 1999, 40). По данным Рут Уир, в лепете русского ребенка выделяются вокализации, построенные по модели «согласный — гласный» с выделением одного из слогов, тогда как в лепете китайских детей встречается в основном повторение гласных звуков, отмеченных разным тоном (Weir 1966, 155–156). Н. А. Любимова подчеркивает, что «человек воспринимает речь на изучаемом языке сквозь призму слуховых ассоциаций, сложившихся на основе ранее изученных или изучавшихся языков, ведущую роль среди которых играет тот язык, который функционально превалировал в речевой деятельности индивида» (Любимова 2014, 126). Усвоенные в раннем детстве просодические представления прочно закрепляются в сознании человека и в процессе восприятия и порождения речи редко контролируются, накладываясь таким образом на законы чужой речи.

Русский и китайский языки прибегают к разным способам просодического выделения. Но несмотря на различия в организации просодической стороны речи, по наблюдениям преподавателей и данным экспериментов, восприятие русской просодики

не вызывает трудностей у носителей китайского языка. Т. В. Лыпкань обнаружила, что ошибки китайских студентов в области ударения существенно чаще связаны с нарушениями звукопроизношения русских гласных, чем с неумением определять место ударного слога (Лыпкань 2007, 90). Е. С. Логашева в ходе экспериментов, которые легли в основу диссертационного исследования, продемонстрировала, «что во всех произнесенных русским диктором схемах место ударного слога было определено китайскими учащимися в абсолютном большинстве случаев» (Логашева 2006, 11).

В русском языке для выделения одного из слогов в фонетическом слове используется динамическое ударение, при этом от темпа речи может зависеть степень редукции гласного, но не зависит место постановки ударения. Китайский язык относится к тоническим языкам, любой китайский слог окрашен тем или иным тоном, и, по мнению Касевича и его коллег, «распределение слогов разной степени просодической выделенности в конкретном тексте *не есть величина постоянная*, оно варьирует в зависимости от темпа и, возможно, иных просодических условий» (Венцов и др. 2002, 181).

Важную роль в современном китайском языке играет ритмическая структура речи, которая нацелена на симметричное распределение единиц по синтагмам. Такая нацеленность приводит к явлению квантитативной вариативности, в результате которого «лексическая единица может быть представлена в нескольких вариантах различной “протяженности”» (Кульчицкая 2008, 67). Ритмической единицей в китайском языке служат биномы — двусложные образования, которые мало подвергаются редукции в речи, так как тональные характеристики гласных выполняют смысловоразличительные функции. Экспериментальные исследования восприятия речи на китайском языке его носителями позволяют утверждать, что китайскому языку присущ биномиальный тип ритмики, при этом «бином играет роль стопы с двумя вариантами: стопа хореическая (с более силь-

ным первым слогом) и стопа ямбическая (с более сильным вторым слогом)» (Венцов и др. 2002, 180). Наблюдения за ошибками китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный, свидетельствуют о том, что характерная «рубленость» речи происходит из-за произнесения русских многосложных слов как одно- или двусложных образований и смешения привычного изменения китайского тона с русским ударением (Хэ 2018, 351).

Вместе с тем существенные различия между просодической организацией русского и китайского языков приводят к разным стратегиям обработки просодической информации носителями этих языков. Т. И. Шевченко полагает, что представления о центральной роли ударения в узнавании слов и понимании смысла высказывания, выработанные для английского и русского языков с их фонемным составом, не работают применительно к тональным языкам (Шевченко 2020, 218).

Сказанное позволяет уточнить поставленный нами исследовательский вопрос: насколько затруднительным оказывается процесс сегментации и идентификации русского ритмически упорядоченного текста для носителя китайского языка, изучающего русский язык как иностранный?

С одной стороны, привычка к восприятию двусложных образований в родном языке и четкий двусложный ритм в поэтическом тексте может облегчить носителю китайского языка его восприятие. С другой — ограниченный объем лексикона и отсутствие опыта восприятия русской силлабо-тонической поэзии с ее обязательным несовпадением между метрическим и ритмическим рисунками стиха может приводить к проблемам сегментации, аналогичным тем, которые испытывают русские дошкольники.

Для ответа на поставленный вопрос мы попробовали частично воспроизвести в новой аудитории разработанный Венцовым и Касевичем эксперимент, описанный выше. При обработке результатов мы опирались на модели восприятия и понимания текстов,

представленные в ряде трудов (Артемов 1954; Богин 1998; Венцов, Касевич 2003; Залевская 2001; Зимняя 2001; Ягунова 2008 и др.).

В нашем эксперименте приняли участие 15 студентов филологического факультета СПбГУ, носителей китайского языка, изучающих русский язык как иностранный в течение от одного до шести лет. Мы предложили испытуемым записать отрывок из текста «Осада Памбы», несколько упростив задачу: велась запись первых 20 строк (65 фонетических слов), белый шум на голос диктора не накладывался, прозаизированный вариант не предлагался. Задача была упрощена намеренно. Мы полагаем, что большое количество заведомо неизвестных студенту-иностранцу слов, в том числе имен собственных, не позволяет ему строить релевантный семантический прогноз, что ставит его и взрослого носителя языка в изначально неравные условия.

Другим фактором, потребовавшим упрощения задачи, является субъективный характер восприятия звуков русского языка носителями китайского. Доказательством наличия таких затруднений может служить отмеченная в ответах всех испытуемых запись слова *обеда* вместо *обету*. Эта ослышка является как следствием смыслового прогноза (в стихотворении идет речь об обете, касающемся потребления пищи), так и результатом особенностей восприятия глухости/звонкости русских согласных носителями китайского языка. Противопоставление русских [d] и [t] основывается на работе голосовых связок; обе китайские фонемы, участвующие в противопоставлении, произносятся без участия голоса, но различаются наличием глухого придыхания, следующего непосредственно за взрывом смычки. После произнесения [t^h] период отсутствия голосового тона оказывается значительно более долгим, чем при произнесении [t] (Поливанов 1968, 247). Данные различия приводят к неоднократно отмечаемому смешению русских глухих и звонких в речи носителей китайского языка (Панова 2009; Хэ 2018; Янь 2015 и др.).

Обратимся к полученным данным. Испытуемые хорошо справились с задачей выполнить максимально полную запись прослушанного текста. Только один участник, несмотря на предложенное задание, выбрал стратегию фиксировать исключительно разборчивые фрагменты текста и записал 15 слов из 65. Остальные участники эксперимента затруднялись определить звуковой состав прослушанного (запись «xxx» или «...») в 13 % (самый успешный студент записал 92 % слов, самый неуспешный 59 %). При этом правильно были восприняты от 25 % до 74 % (в среднем 48 % слов). Ошибки в восприятии были связаны как с неверной сегментацией, так и с ошибочной идентификацией.

В некоторых случаях количество прослушанных и записанных слов не совпадало (отсутствовало от 28 % до 76 % прозвучавших слов, только в двух записях количество записанных слов равнялось количеству прочитанных). Однако трудно сказать, что послужило причиной пропусков: или не было воспринято слово, или испытуемый затруднился дать количественную и качественную характеристику услышанному фрагменту. Количество записанных слогов могло не совпадать и в тех случаях, когда было верно определено количество прочитанных слов: в размерах сокращались от 15 % до 50 % строк (вероятно, результат должен получиться еще более внушительным, но часто участники ставили прочерки, не сохраняя слоговую структуру услышанного). Таким образом, ритмическая упорядоченность не облегчала восприятие количественной информации.

Восприятие качественной информации также оказывалось затруднено. Так же как и в детской речи, наблюдался широкий шаг сегментации. Процесс слияния коснулся главным образом имен собственных: *Леостилье* (Лев Кастильи), *от скотодона-бедр* (от войска дона Педро) и др. Мелким шагом испытуемые пользовались значительно чаще: границы слов проводились по границам хореической стопы (в ответах одного

испытываемого до 15% слов оказывались разрезанными метрическими паузами): *тэбе пятно* (девятнадцать), *попу стому* (по-пустому). Тенденция записывать двусложные комплексы сохранялась и тогда, когда границы перераспределялись внутри слов: *кампет Друкай мейц* (дон педро Гомец).

Правильная сегментация не обязательно приводила к верной записи услышанного. В записях встретились 10 вариантов, которые могут быть идентифицированы как орфографические ошибки: отсутствие разделительного мягкого знака (*пёт, пют*), слитное/раздельное/дефисное написание наречий (*по пустому, на лицо*), правописание окончания родительного падежа прилагательного (*меснова*), неверный выбор буквы для обозначения безударного гласного (*постому, замак, меснова, биссилы, чилавек*; в том числе гиперкорректное написание *лецо*). Подобные записи свидетельствуют о самостоятельном кодировании правильно воспринятой акустической информации, но не дают возможности однозначно судить о том, была ли она верно идентифицирована.

Другие ошибочные записи свидетельствовали об ослышках. Записанный вариант иногда существенно отличался от исходного. Кроме отмеченных выше замен, связанных с неразличением глухих и звонких согласных, встречался пропуск [j] *десяты* (десятый), замена его на [nʹ]: *осажданет* (осаждает), замены мягких переднеязычных заднеязычными: *всяти* (всякий), свистящих шипящими *жилклевайсь* (закрываясь), случаи неверной идентификации гласных, в том числе ударных — *пастьянтолев* (кастельянцев) и др. Наблюдались перестановки звуков и сокращение групп согласных. В отличие от подобных замен, наблюдаемых в детской речи, акцентный контур слова не всегда сохранялся: *автомав* (осаждает), *немочётая пяторо* (всё войско дона Педро), *чевтано* (кастельянцев). Следовательно, в условиях ограниченной языковой информации место ударения и качество ударного слога не всегда становились надежной перцептивной опорой.

Однако даже при наличии ослышки в большинстве случаев можно утверждать, что испытуемые стремились к смысловому восприятию. Так, запись *они сбегают* (они слабеют) свидетельствует о том, что, несмотря на ослышку, смысловая и грамматическая связность была установлена слушающим. Запись представляется закономерной: отсутствие чередований [zh]/[g] при спряжении глаголов *бежать, бегать* наблюдается в речи иностранцев. Комплексы, о которых нет возможности судить, приписывалось ли им значение, составляют 17%.

Неверная запись не обязательно является следствием отсутствия адекватного понимания и может быть вызвана фонетической интерференцией. Отмечалось неразличение [ɾ] и [l]: *заклывают* (закрываясь), *зрые* (злые); многочисленные нарушения восприятия глухости/звонкости русских согласных: *отним* (одним), *самак* (замок), *Бампу* (Памбу). Подобные нарушения встречаются в самостоятельной устной и письменной речи носителей китайского языка (Янь 2015). Важно также отметить, что преобладание замен глухих на звонкие связана и с низким рангом признака придыхательности в иерархии фонологических средств китайского языка, который используется только на последних стадиях восприятия речи для окончательного установления облика сообщения (Касевич и др. 1990, 156). Согласно данным Н. А. Любимовой, фонологическая оппозиция «глухой/звонкий» выдвигается при освоении русского языка как второго позже, чем оппозиции по месту и способу образования для носителей самых разных языков, что хорошо согласуется и с данными детской речи (Любимова 2014, 127). Экспериментальные данные, полученные Венцовым, позволяют также предположить, что в иерархии дифференциальных признаков согласных фонем участие голосовых связок является малозначимым признаком и для взрослых носителей русского языка (Венцов 2015, 10).

Неверная запись может быть связана также с подключением механизмов самостоятельного продуцирования при воспроизведе-

дении грамматической формы, при этом лексическое и грамматическое значение может быть воспринято верно. Так, фонетически близкая запись *пьют* вместо *пьют* может быть классифицирована как самостоятельное конструирование формы с опорой на йотовую корреляцию основ (пи+ј+ут) (о частотности таких ошибок в речи иностранцев см. (Gog, Chernigovskaya 2004)). Некоторые варианты связаны с «модернизацией» грамматических форм: так, пятеро испытуемых записали *съедают*, что не только фонетически близко прозвучавшему *снедают*, но и свидетельствует об адекватном осмыслении формы.

О завершенности процесса смыслового восприятия свидетельствуют не только верно записанные фрагменты, но и некоторые случаи лексических замен, которые становятся результатом вероятностного прогноза. Паронимические замены, вызванные предшествующим контекстом, для которых Е. И. Риехайнен и С. А. Терская предлагают использовать термин «антипрайминг» (Риехайканен, Терская 2020, 27), встретились в нашем материале около 50 раз: *обеда* вместо *обету*, *яйцо* вместо *налицо* (в тексте речь идет о питании), *пытаясь* вместо *питаюсь* (глагол *питаться* мог быть неизвестен испытуемому; в тексте речь идет о попытках осады замка), *серый* вместо *силы*, *нежный* вместо *ниже* и др. О проверке гипотез свидетельствуют немногочисленные самоисправления: *бессири* исправлено на *бессилье*, *обеда* — на *победу* (вместо *обету*), *мама* на *макро* (вместо *мавры*).

Значительно большая часть ослышек свидетельствует о том, что слушатель стремится к смысловому восприятию, но вынужден довольствоваться частичной разборчивостью текста. Г. И. Богин предлагал выделять уровни семантизирующего, когнитивного и распредмечивающего понимания: на первой ступени происходит декодирование отдельных единиц, на второй — освоение «предикаций, которые лежат в основе составляющих текст пропозициональных структур», на третьей — восстановление «каких-то

сторон мыследействования продуцента» (Богин 1998, 66). Вероятно, можно говорить о том, что испытуемый останавливается на стадии когнитивного понимания, если записанный им фрагмент обладает грамматической связностью при отсутствии связности семантической.

Стремясь установить грамматические связи, испытуемые записывали неразборчивые фрагменты с заглавной буквы, идентифицируя их как имена собственные: *по названию лев Кастеи* (по прозванию Лев Каситили), *Датра Хомяц* (Педро Гомес), *закрываюсь Япончаю* (закрываясь епанчою; возможно, ассоциация с Японией).

Неверная запись, связанная с отсутствием адекватного представления о лексическом значении записанной единицы при верном восприятии ее грамматического значения, также свидетельствует об остановке на уровне когнитивного понимания. Испытуемые записывали квазислова в форме родительного падежа множественного числа в счетных сочетаниях: *десять дысыт* (девять тысяч), *девять тысяч гостильяных*, *девять тысяч кастельяниш* (кастельянцев), эквивалентные прозвучавшим личные формы квазиглаголов: *осаждаиет замак* (осаждает замок), *маври торжедают* (мавры торжествуют).

В некоторых случаях ошибочно записанные слова наделялись новым грамматическим значением: *девять лет он попортит* (девять лет дон Педро Гомес) — сказуемое выражено глаголом в форме прошедшего времени единственного числа мужского рода, согласованное с подлежащим *он*; *всякий день слабеют силы xxx* (...слабеют, силы тратя...) — прилагательное в форме винительного падежа единственного числа мужского рода. Испытуемые, не обладая достаточным словарем, готовы были смириться с тем, что лексическое значение многих единиц им неизвестно.

Слушатель может предполагать, что ему неизвестно не само слово, а его лексико-семантический вариант, о чем свидетельствуют некоторые паронимические замены: *даже*

хлеба не снимают (не скупают), *достаёт уж год десятый* (настает), *холодает замок* (осаждают замок). Хотя нельзя исключить, что записанные таким образом фрагменты наделяются определенным значением: например, *холодает замок* = 'замок становится холодным', 'в замке становится холодно'.

О семантизирующем понимании свидетельствуют некоторые случаи приписывания грамматического значения неразборчивым фрагментам: *и всё войско до на фетрам* (...дона Педро) — существительное в предложном падеже множественном числе со следующими друг за другом предлогами *до, на*.

Многие ослышки приводят к появлению аграмматизмов — т. е. к выбору таких форм, которые нарушают правила русской грамматики. В записях наблюдается отсутствие согласования между определениями и определяемыми словами, координации между подлежащим и сказуемым и между однородными членами, ошибки в выборе предлога или падежной формы: *немочётая пяторо* (войско дона Педро), *молоком они питает* (молоком одним питаюсь), *хлеба не съедают, пью от ноль молоко* (хлеба не съедают, пьют одно лишь молоко), *тебе пятно человек* (девятнадцать человек), *на лицо на два осталась девятнадцать человек* (на лицо едва осталось девятнадцать человек), *освают бестий отплатчу* (о своем бессилье плачет). Возможно, что таким образом «прорываются» ошибки, которые встречаются и при самостоятельном продуцировании русской речи носителями китайского языка. Рассматривая общее и различное при освоении языка как родного и как иностранного, С. Н. Цейтлин отмечала обилие аграмматизмов (нарушений системных морфологических правил) в речи инофонов при почти полном отсутствии их в речи русскоязычных детей. Именно такие нарушения говорят о разных путях формирования речевых механизмов в условиях освоения первого и второго языка (Цейтлин 2015, 518).

Неслучайно аграмматизмы не встречаются и при восприятии поэзии русскоязычным

дошкольником: как бы ни был труден воспринимаемый текст, ребенок обычно стремится к приписыванию грамматических значений выделенным сегментам звучащего текста (Круглякова 2009). Еще одним отличием является и запись аморфных форм, утративших звуки, содержащие грамматические показатели: *педайсь* (питаюсь), *закрыва* (закрываясь), *настаё* (настает), *нижни хлеб* (ниже хлеба). Подобное явление отмечается в самостоятельной речи русскоязычных монолингвов до двух лет (Babyonyshev 1993, 15), однако в тот момент, когда ребенок оказывается в состоянии читать стихи или петь песни, такого рода формы совершенно исчезают из его речи.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что ритмическое упорядочение текста как не способствовало его акустической разборчивости, так и не помогало в декодировании грамматических связей и идентификации отдельных лексических единиц. В некоторых случаях, напротив, именно наличие тонических ударений заставляло участников эксперимента испытывать дополнительные трудности, что приводило к ошибкам при восприятии акустических сигналов и последующей остановке на ступени семантизирующего понимания.

Таким образом, можно заключить, что при прослушивании русского стихотворного текста носители китайского языка стремились достичь понимания услышанного, однако объективная трудность текста, вызванная недостаточностью словаря и затекстовых знаний реципиента, не покрывалась ритмизованностью речи, что коррелирует с данными детской речи. Однако фактор ритмизованности речи оказывал на протекание сегментации и идентификации у инофонов специфическое влияние.

Для уточнения полученных данных, которые смогли бы пролить свет на протекание процессов аудирования в иностранной аудитории и выстроить оптимальные методики преподавания русского языка как иностранного, требуется проведение более масштабных экспериментов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемов, В. А. (1954) Восприятие и понимание речи. *Ученые записки I Московского государственного педагогического института иностранных языков*, т. 8, с. 180–199.
- Богин, Г. И. (1998) Рефлексия и интерпретация: принцип потенциальной понятности всякого текста. В кн.: *Вопросы стилистики: межвузовский сборник научных трудов. Вып.: 27: Человек и текст*. Саратов: Изд-во Саратовского университета, с. 62–68.
- Венцов, А. В. (2015) Важен ли признак «звонкости» согласных при восприятии речи? В кн.: Е. В. Грудева (ред.). *Проблемы порождения и восприятия речи. Материалы XIII выездной школы-семинара*. Череповец: Изд-во Череповецкого государственного университета, с. 6–11.
- Венцов, А. В., Касевич, В. Б. (2003) *Проблемы восприятия речи*. М.: Едиториал УРСС, 237 с.
- Венцов, А. В., Касевич, В. Б., Спешнев Н. А., Ягунова Е. В. (2002) Ритмическая структура звучащего китайского текста. В кн. Н. Б. Вольская, Н. Д. Светозарова (ред.). *Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований: к 70-летию проф. кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Л. В. Бондарко*. СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, с. 175–182.
- Дурягин, П. В. (2018) Качество и длительность безударных гласных русского языка как акустические ключи для определения словесной границы: перцептивный эксперимент на материале псевдослов. *Русистика*, т. 16, № 3, с. 323–343.
- Залевская, А. А. (2001) *Текст и его понимание*. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 177 с.
- Зимняя, И. А. (2001) *Лингвopsихология речевой деятельности*. М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «Модэк», 428 с.
- Касевич, В. Б., Шабельникова, Е. М., Рыбин, В. В. (1990) *Ударение и тон в языке и речевой деятельности*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 248 с.
- Круглякова, Т. А. (2004) Роль ритмических структур в восприятии стихотворного текста дошкольниками. В кн.: *Детская речь как предмет лингвистического исследования: Материалы Международной научной конференции*. СПб.: Наука, с. 139–143.
- Круглякова, Т. А. (2009) Репродуцированный стихотворный текст как объект психолингвистического исследования (на материале детской речи). *Вопросы психолингвистики*, № 9, с. 156–164.
- Кульничкая, И. Б. (2008) Особенности квантитативной вариативности в китайском языке. В кн.: *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 2*. М.: Институт языкознания РАН, с. 67–77.
- Логашева, Е. С. (2006) *Акцентно-ритмические особенности русской словоформы в речи китайских учащихся. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. СПб., СПбГУ, 19 с.
- Лотман, Ю. М. (1970) Принцип сегментации поэтической строки. В кн.: *Структура художественного текста*. М.: Искусство, с. 169–191.
- Лыпкань, Т. В. (2007) Типичные ошибки китайцев при восприятии и реализации акцентно-ритмической структуры русских слов. *Acta Linguistica*, т. 1, № 2, с. 89–94.
- Любимова, Н. А. (2014) Психолингвистические основы обучения фонетике второго языка. В кн.: *Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы IV конгресса РОПРЯЛ. Т. 1*. Сочи: Общ-во преподавателей русского языка и литературы, с. 124–129.
- Панова, Р. С. (2009) Фонетическая интерференция в русской речи китайцев. *Вестник Челябинского государственного университета*, № 22, с. 83–86.
- Поливанов, Е. Д. (1968) Субъективный характер восприятий звуков языков. В кн.: *Статьи по общему языкознанию*. М.: Наука, с. 236–254.
- Риехакайнен, Е. И., Терская, С. А. (2020) Семантический и морфологический прайминг при восприятии русской устной речи. *Социо- и психолингвистические исследования*, № 8, с. 26–31.
- Хэ Синьсин (2018) Динамика фонетических навыков и развитие фонематического слуха в процессе обучения русскому языку китайских учащихся. *Русистика*, т. 16, № 3, с. 344–358.
- Цейтлин, С. Н. (2015) К построению грамматики промежуточного языка. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 11, № 1, с. 515–538.
- Шевченко, Т. И. (2020) Просодия трилингва (китайский, английский, русский): предвосхищая перцептивные и когнитивные проблемы. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, № 1 (830), с. 213–223.
- Штерн, А. С. (1992) *Перцептивный аспект речевой деятельности: Экспериментальное исследование*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 236 с.

Ягунова, Е. В. (2008) *Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей)*. Пермь; СПб.: Изд-во Пермского государственного университета, 395 с.

Ягунова, Е. В., Сталчински, О. А. (2020) Shadowing и ритмические характеристики исходного и переводного текста (экспериментальное исследование на материале русского и американского английского языков). *Индустрия перевода*, т. 1, с. 28–36.

Янь Мейтао (2015) Общие ошибки китайских студентов в русской речи *Литературное образование*, № 1, с. 130–131. (中国学生说俄语时的常见错误. 文学教育, 1期, 第 130–131 页)

Babyonyshev, M. (1993) Acquisition of the Russian case system. *MIT Working Papers in Linguistics*, no 19, pp.1–43.

Boysson-Bardies, B. (1999) *How language comes to children: From birth to two years*. Cambridge: MIT Press, 304 p.

Gor, K., Chernigovskaya, T. (2004) Formal instruction and the acquisition of verbal morphology. In: A. Housen, M. Pierrard (eds.). *Investigation in Instructed Second Language Acquisition*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., pp. 103–139.

Weir, R. H. (1966) Some questions on the child's learning of phonology. In: R. H. Weir (ed.). *The Genesis of Language. A Psycholinguistic Approach*. Cambridge: [s. n.], pp. 153–169.

REFERENCES

Artemov, V. A. (1954) *Vospriyatie i ponimanie rechi. Uchenye zapiski I Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov*, t. 8, s. 180–199.

Bogin, G. I. (1998) Refleksiya i interpretatsiya: printsip potentsial'noj ponyatnosti vsyakogo teksta. V kn.: *Voprosy stilistiki: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 27: Chelovek i tekst*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, s. 62–68.

Ventsov, A. V. (2015) Vazhen li priznak “zvonkosti” soglasnykh pri vospriyatii rechi? V kn.: E. V. Grudeva (red.). *Problemy porozhdeniya i vospriyatia rechi. Materialy XIII vyezdnogo shkoly-seminara*. Cherepovets: Izd-vo Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, s. 6–11.

Ventsov, A. V., Kasevich, V. B. (2003) *Problemy vospriyatia rechi*. M.: Editorial URSS, 237 s.

Ventsov, A. V., Kasevich, V. B., Speshnev N. A., Yagunova E. V. (2002) Ritmicheskaya struktura zvuchashchego kitajskogo teksta. V kn. N. B. Vol'skaya, N. D. Svetozarova (red.). *Problemy i metody eksperimental'no-foneticheskikh issledovanij: k 70-letiyu prof. kafedry fonetiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov L. V. Bondarko*. SPb.: Izd-vo filol. f-ta SPbGU, s. 175–182.

Duryagin, P. V. (2018) Kachestvo i dlitel'nost' bezudarnykh glasnykh russkogo yazyka kak akusticheskie klyuchi dlya opredeleniya slovesnoj granitsy: pertseptivnyj eksperiment na materiale psevdoslov. *Rusistika*, t. 16, № 3, s. 323–343.

Zalevskaya, A. A. (2001) *Tekst i ego ponimanie*. Tver': Izd-vo Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, 177 s.

Zimnyaya, I. A. (2001) *Lingvopsikhologiya rechevoj deyatel'nosti*. M.: MPSI; Voronezh: Izd-vo NPO “Modek”, 428 s.

Kasevich, V. B., Shabel'nikova, E. M., Rybin, V. V. (1990) *Udarenie i ton v yazyke i rechevoj deyatel'nosti*. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 248 s.

Kruglyakova, T. A. (2004) Rol' ritmicheskikh struktur v vospriyatii stikhotvornogo teksta doskol'nikami. V kn.: *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. SPb.: Nauka, s. 139–143.

Kruglyakova, T. A. (2009) Reprodutsirovannyj stikhotvornyj tekst kak ob'ekt psikholingvisticheskogo issledovaniya (na materiale detskoj rechi). *Voprosy psikholingvistiki*, № 9, s. 156–164.

Kul'chitskaya, I. B. (2008) Osobennosti kvantitativnoj variativnosti v kitajskom yazyke. V kn.: *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov. Vyp. 2*. M.: Institut yazykoznanija RAN, s. 67–77.

Logasheva, E. S. (2006) *Aktsentno-ritmicheskie osobennosti russkoj slovoformy v rechi kitajskikh uchashchikhsya. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. SPb., SPbGU, 19 s.

Lotman, Yu. M. (1970) Printsip segmentatsii poeticheskoi stroki. V kn.: *Struktura khudozhestvennogo teksta*. M.: Iskusstvo, s. 169–191.

Lypkan', T. V. (2007) Tipichnye oshibki kitajtsev pri vospriyatii i realizatsii aktsentno-ritmicheskoi struktury russkikh slov. *Acta Linguistica*, t. 1, № 2, c. 89–94.

Lyubimova, N. A. (2014) Psikholingvisticheskie osnovy obucheniya fonetike vtorogo yazyka. V kn.: *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoj Rossii. Materialy IV kongressa ROPRYaL. T. 1*. Sochi: Obshch-vo prepodavatelej russkogo yazyka i literatury, s. 124–129.

- Panova, R. S. (2009) Foneticheskaya interferentsiya v russkoj rechi kitajtsev. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 22, s. 83–86.
- Polivanov, E. D. (1968) Sub'ektivnyj kharakter vospriyatij zvukov yazykov. V kn.: *Stat'i po obshchemu yazykoznaniju*. M.: Nauka, s. 236–254.
- Riekhakajnen, E. I., Terskaya, S. A. (2020) Semanticheskij i morfologicheskij prajming pri vospriyatii russkoj ustnoj rechi. *Sotsio- i psicholingvisticheskie issledovaniya*, № 8, s. 26–31.
- Khe Sin'sin (2018) Dinamika foneticheskikh navykov i razvitie fonemacheskogo slukha v protsesse obucheniya russkomu yazyku kitajskikh uchashchikhsya. *Rusistika*, t. 16, № 3, s. 344–358.
- Tsejtin, S. N. (2015) K postroeniyu grammatiki promezhutochnogo yazyka. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij*, t. 11, № 1, s. 515–538.
- Shevchenko, T. I. (2020) Prosodiya trilingva (kitajskij, anglijskij, russkij): predvoskhishchaya pertseptivnye i kognitivnye problemy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarne nauki*, № 1 (830), s. 213–223.
- Shtern, A. S. (1992) *Pertseptivnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti: Eksperimental'noe issledovanie*. SPb.: Izd-vo SPbGU, 236 s.
- Yagunova, E. V. (2008) *Variativnost' strategij vospriyatiya zvuchashchego teksta (eksperimental'noe issledovanie na materiale russkoyazychnykh tekstov raznykh funktsional'nykh stilej)*. Perm'; SPb.: Izd-vo Perm'skogo gosudarstvennogo universiteta, 395 s.
- Yagunova, E. V., Stalchinski, O. A. (2020) Shadowing i ritmicheskie kharakteristiki iskhodnogo i perevodnogo teksta (eksperimental'noe issledovanie na materiale russkogo i amerikanskogo anglijskogo yazykov). *Industriya perevoda*, t. 1, s. 28–36.
- Yan' Mejtao (2015) Obshchie oshibki kitajskikh studentov v russkoj rechi *Literaturnoe obrazovanie*, № 1, s. 130–131. (中国学生说俄语时的常见错误. 文学教育, 1期, 第 130–131 页)
- Babyonyshev, M. (1993) Acquisition of the Russian case system. *MIT Working Papers in Linguistics*, no 19, pp. 1–43.
- Boysson-Bardies, B. (1999) *How language comes to children: From birth to two years*. Cambridge: MIT Press, 304 p.
- Gor, K., Chernigovskaya, T. (2004) Formal instruction and the acquisition of verbal morphology. In: A. Housen, M. Pierrard (eds.). *Investigation in Instructed Second Language Acquisition*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., pp. 103–139.
- Weir, R. H. (1966) Some questions on the child's learning of phonology. In: R. H. Weir (ed.). *The Genesis of Language. A Psycholinguistic Approach*. Cambridge: [s. n.], pp. 153–169.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КРУГЛЯКОВА Татьяна Александровна — *Tatiana A. Kruglyakova*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: 6409-3610, ORCID: 0000-0003-4408-7673, e-mail: t.kruglyakova@spbu.ru

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания.

ШИ Сюаньцзюнь — *Xuanjun SHI*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

ORCID: 0009-0006-3887-0687, e-mail: xuanxuan92627@163.com

Аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания.

Научный руководитель: Татьяна Александровна Круглякова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.

Поступила в редакцию: 6 апреля 2024.

Прошла рецензирование: 14 июля 2024.

Принята к печати: 1 октября 2024.